

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

В. Г. Чумаченко

Георгий Валентинович Плеханов прошел большой, сложный и противоречивый жизненный путь. Юношей он вступил на стезю народничества, затем порвал с ним и в течение двух десятилетий являлся страстным поборником идей научного социализма. В эти годы Г. В. Плеханов много сил отдал пропаганде марксизма в России, борьбе за то, чтобы сделать марксизм теоретической основой революционного движения русского пролетариата. Все лучшее, что было создано Г. В. Плехановым в области марксизма, относится к этому времени. «Его личные заслуги громадны в прошлом — отмечал В. И. Ленин. — За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»*. После II съезда РСДРП Г. В. Плеханов повернул к меньшевизму, который в годы первой мировой войны привел его на позиции социал-шовинизма, а затем, в период Великого Октября, поставил вне революции.

При оценке Г. В. Плеханова как общественного деятеля необходимо строго различать Плеханова-марксиста и Плеханова-оппортуниста. Мы высоко чтим Плеханова за крупные заслуги в российском и международном революционном движении, за то, что он был первым выдающимся пропагандистом марксистских идей в России и борцом за материалистическое мировоззрение. Именно эти его заслуги были отмечены в постановлении ЦК КПСС от 16 октября 1956 г.**, посвященном 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова, дате, которая широко отмечалась всем прогрессивным человечеством.

В трудах советских ученых исследована деятельность Г. В. Плеханова как философа, литератора, экономиста. Но до сих пор еще нет работ, детально освещающих его жизненный путь. Очерки «Страницы жизни и деятельности Г. В. Плеханова» имеют целью частично восполнить имеющийся пробел и способствовать созданию более цельного представления о Г. В. Плеханове.

Детство. Юность. Участие в народническом движении

11 декабря 1856 г. в семье тамбовского помещика Валентина Петровича Плеханова, владельца села Гудаловки, Липецкого уезда, родился сын Георгий. К тому времени в семье Плехановых было уже семеро детей: три сына и четыре дочери от первого брака Валентина Петровича. Вторая его жена, мать Георгия, Мария Федоровна, урожденная Белинская, приходившаяся дальней родственницей знаменитому революционеру-демократу В. Г. Белинскому, подарила мужу еще двух сыновей и трех дочерей. Глава этого немалочисленного семейства был трудолюбивым и для своего времени образованным человеком, но нравом, по свидетельству современников, обладал властным и вспыльчивым. Он любил, подчеркивая свое дворянское происхождение, повторять: «Большая корона царя составлена из наших маленьких корон». Мария Федоровна в противоположность супругу отличалась мягкостью и добротой. Сестра Георгия Валентиновича, В. В. Позднякова-Плеханова, вспоминая мать, писала: «Деликатность в обращении со всеми, начиная с прислуги, была чрезвычайно развитой, характерной чертой матери»¹.

Детство Г. В. Плеханова (до 10-летнего возраста) прошло в Гудаловке. Большое влияние на формирование его характера оказал отец. В сыновьях своих Валентин Петрович стремился прежде всего воспитать смелость, находчивость, инициативность. Правда, методы, которые он при этом применял, порою напоминали больше солдатские шутки на учебном плацу. Однажды он посадил пятилетнего Георгия на разгоряченную лошадь и, крикнув сыну «Держись!», пустил ее вскачь. Мальчик выдержал нелегкое испытание, чудом сумев удержаться в седле. Когда Георгию было около 9 лет, произошел другой случай. Лошади, которыми он правил, чего-то испугавшись, понесли. Но мальчик не выронил вожжей из рук и укротил животных. Отец был очень доволен сыном и неоднократно восторгался потом: «Молодец, Жорж,

* В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 222.

** «Справочник партийного работника». М 1957, стр. 367.

¹ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 1. М.-Л. 1923, стр. 83.

вожжей не выпускал!»². Отличительной чертой Валентина Петровича была также любовь к труду. Это чувство он стремился воспитать и в детях. Почти все необходимое для себя они должны были делать сами. Пользоваться помощью прислуги им было запрещено. В тех случаях, когда отец видел детей незанятыми или скукающими, он обязательно спрашивал: «Что сидите без дела?» — и тут же находил занятие каждому. В доме имелась обширная библиотека, состоявшая в основном из книг по военному делу, так как в ранние свои годы Валентин Петрович служил офицером. Георгий подолгу засиживался в ней. Увлекался он книгами сильно, что у отца это вызывало даже опасения. «Отец его, — писал Л. Г. Дейч, — деспотически строгий, требовательный и аккуратный, при этом благородный, умный и для своего времени довольно образованный отставной штаб-ротмистр гусарского полка, сам любивший книги, тем не менее, видя чрезмерную страсть к ним у маленького сына и боясь за его здоровье, старался привлекать его к физическим упражнениям: к верховой езде, плаванью и пр.»³.

Но вот наступила пора, связанная с выбором жизненного пути. Три старших брата Г. В. Плеханова уже обучались в военных учебных заведениях, и потому отец намеревался определить младшего сына «по гражданской части». Но Георгий, узнав об этом, взбунтовался. Он гордо заявил, что никогда не будет «штафиркой». Пришлось уступить желанию любимого сына, и десятилетний мальчик, блестяще сдав экзамены, поступил в 1866 г. во второй класс Воронежской закрытой военной гимназии. По существовавшему тогда в военных учебных заведениях неписаному закону, новичков подвергали «испытанию». Поколотить Плеханова поручили одному из учеников старших классов. Но когда долговязый подросток набросился на новичка, то неожиданно получил сокрушительный отпор. Георгий так энергично оборонялся, что нападающему пришлось превратиться в отступающего. Своим смелым поведением новый гимназист завоевал симпатии одноклассников, и затем в продолжение всей учебы в гимназии уже никто не делал попыток его поколотить.

Мальчик учился отлично. Большое влияние на него оказал преподаватель словесности Н. Ф. Бунаков. Не будучи революционером, этот человек, однако, на протяжении всей своей жизни горячо сочувствовал делу прогресса. На уроках он, разбирая литературные произведения, постоянно соотносил их с общественной жизнью тех лет⁴. Такой взгляд на литературу унаследовал от своего учителя и Г. В. Плеханов. Спустя многие годы он вспоминал: «У меня был выдающийся преподаватель русского языка. Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто»⁵. Стремление учителя передать ученикам вместе с глубоким знанием литературы и великую любовь к народу пробуждало в гимназистах лучшие чувства. «Я был тогда в последнем классе военной гимназии, — рассказывал позднее Г. В. Плеханов. — Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звывший нас на фронтовое учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы начали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова глубоко врезались в память. Я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу». Бунаков весьма высоко оценивал школьные сочинения Г. В. Плеханова. Возможно, не без его совета Плеханову поручили издавать гимназический журнал, бессменным редактором которого он был в течение нескольких лет⁶.

В старших классах на Плеханова обратил внимание преподаватель закона божьего. Его привлекло в гимназисте, как тот прилежно изучал Ветхий и Новый завет, внимательно слушал на уроках и задавал вопросы. Первое время священник сам поощрял любознательность ученика. Но вот несколько раз между юношей и учителем завязался на уроках диспут: ученик беспощадно критиковал догматы православной церкви. Наконец батюшка не выдержал. «Нет, молодой человек, — заявил он, — оставим эти диспуты, иначе уроки закона божьего превратятся в уроки безбожия». В последнем классе гимназии Г. В. Плеханов окончательно отверг веру в бога. Мать его, глубоко верующая женщина, болезненно переживала разрыв сына с религией. Однако она утешала себя тем, что «Христос простит» его. Зато ее радовали успехи Георгия в учебе, и она любила при случае похвалиться ими. Нередко Георгий говорил матери: «Поймите, в какое неловкое положение Вы меня ставите, когда Вы обо мне говорите в моем же присутствии»⁷.

В 1873 г. Г. В. Плеханов блестяще окончил гимназию. Его имя было занесено на золотую доску. В том же году он поступил в Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. Во время пребывания в училище юнкер Плеханов изучал произ-

² Там же, стр. 86.

³ Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов. Материалы для биографии. М. 1922, стр. 7.

⁴ См. Н. Ф. Бунаков. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб. 1909.

⁵ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 5. М.-Л. 1926, стр. 37.

⁶ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 1, стр. 88.

⁷ Там же, стр. 85, 87.

ведения Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Творчество революционеров-демократов весьма способствовало формированию его мировоззрения. Особенной любовью пользовался у Плеханова роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? — писал он. — Кто не увлекся им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее»⁸. Великие освободительные идеи революционных демократов их самоотверженное служение народу, несомненно, отразились на творчестве Г. В. Плеханова. Подробному разбору деятельности и трудов революционеров-демократов он посвятил позднее немало своих произведений. Однако еще в юношеские годы Георгий Валентинович стал убежденным противником самодержавия. «Помню, перед присягой, — рассказывал Г. В. Плеханов, — некоторые товарищи обратились ко мне с вопросом: «Как же ты будешь присягать царю, если ты против самодержавия?» — я ответил: — В формуле присяги говорится о верности царю и отечеству, и если интересы царя и отечества разойдутся между собой, я буду защищать отечество, изменив царю, а вы измените отечеству, если будете защищать царя»⁹.

Г. В. Плеханов еще находился в училище, когда умер его отец. Эта смерть подорвала материальное положение многодетной семьи. Мария Федоровна в поисках средств решила сдать имение в аренду. Имелось два претендента: свои гудаловские, крестьяне и купец. Купец предлагал сумму значительно большую, чем могли заплатить крестьяне. Приехавший из Петербурга на каникулы Георгий заявил матери: если имение будет отдано купцу, он сожжет у того хлеб, а потом заявит об этом. Зная характер сына, мать поспешила сдать имение в аренду крестьянам. Нельзя не сказать еще об одной черте Г. В. Плеханова — дисциплинированности. Отмечая эту особенность, Л. Г. Дейч писал: «Как в военной гимназии, так затем и в Константиновском училище Плеханов резко выделяется среди сверстников не только своими способностями, развитием и любознательностью, но также всегда образцовым исполнением всех требований... по части дисциплины...»¹⁰. В 1874 г., не желая подвизаться на поприще, официальной целью которого считалась защита самодержавия «от врагов внутренних и внешних», Г. В. Плеханов решил оставить военную службу. Сделать это было очень трудно. Воспитанники военно-учебных заведений обязаны были несколько лет прослужить в армии. Однако Г. В. Плеханов проявил настойчивость и подал соответствующее прошение на имя наследника престола, будущего царя Александра III. Добившись освобождения от службы, он в том же году поступил в Петербургский горный институт. В те годы Георгий Валентинович усердно работал в лабораториях, много читал. Он изучал не только обязательную литературу, но и настойчиво штудировал много книг, не входивших в учебную программу. Это благотворно сказалось на специальных и общих знаниях Г. В. Плеханова, помогло формированию у него собственного мнения о вещах. «Когда я поселился у Георгия Валентиновича, — сообщил о том времени Л. Г. Дейч, — он держал переходные экзамены на третий курс. По обыкновению, он сдавал их прекрасно и своими ответами нередко изумлял профессоров. Один из них даже заспорил с Плехановым, найдя какое-то утверждение его неправильным. Но экзаменовавшийся, кажется, по химии, молодой студент сослался на Менделеева и оказался правым»¹¹.

В институтские годы Г. В. Плеханов познакомился с народниками. Среди революционеров тех лет считалось «хорошим тоном» не обращать внимания на костюм, не следить за своей внешностью, в связи с чем о принадлежности к революционному движению можно было с некоторой долей вероятности судить и по небрежности в одежде. Георгий Валентинович являлся одним из немногих исключений из этого неписаного правила. Наглядное представление о том могут дать следующие строки: «Своей внешностью и костюмом Плеханов — в противоположность почти всем тогдашним революционерам, нисколько не походил на «нигилиста»: он одевался чисто, аккуратно, но без претензии на франтовство; волосы на голове причесывал назад, небольшую темнорусую бородку своевременно подстригал, между тем как многие из нас редко прибегали к ножницам и гребню, почему волосы наши находились в «живописном беспорядке». Не был похож на некоторых, бравировавших своим поведением юношей того времени Плеханов и своими манерами: в противоположность многим из них «он был вежлив, корректен, производил впечатление «благовоспитанного молодого человека». По свидетельству Дейча, у Плеханова «было очень выразительное, умное лицо, сразу обращавшее на себя внимание. Особенно замечательны были его, казалось, пронизавшие собеседника насковзь, темно-карие глаза, смотревшие то сурово из-под чрезвычайно густых бровей и длинных ресниц, то с иронической насмешкой»¹².

⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. V. Изд. 2-е, стр. 114.

⁹ «Г. В. Плеханов в свободной России». Изд. Марии Малых. Б. г., стр. 28.

¹⁰ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 6.

¹² Там же, стр. 9.

Народники были убежденными сторонниками крестьянской революции в России. Они глубоко верили в особую самобытность и «чудодейственные свойства» сельской общины. На этом основании строились ими революционные теории и осуществлялась практическая деятельность. Вспоминая о начале своей революционной деятельности, Г. В. Плеханов в статье «Русский рабочий в революционном движении» писал: «Первый рабочий-революционер, с которым столкнула меня судьба, был довольно известный когда-то в русской революционной среде Митрофанов, впоследствии умерший в тюрьме от чахотки. Я познакомился с ним у студентов медицинской академии братьев Х. в конце 1875 года. Митрофанов был уже тогда «нелегальным» и жил у братьев Х., скрываясь от полиции. Как и все студенты-революционеры того времени, я, конечно, был большим народолюбом и собирался идти в «народ», понятие о котором было у меня, однако, опять-таки как у всех нас, студентов-революционеров того времени, очень смутным и неопределенным. Любя «народ», я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне. Когда я в первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей «народа», в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь перед ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать. Мне казалось, что язык нашего брата студента будет совершенно непонятен этому «сыну народа» и что в разговоре с ним я должен держаться того недоговоренного слова, которым были написаны многие из наших революционных брошюр. К счастью, Митрофанов вывел меня из затруднения. Он заговорил первым, и, не помню уже как, разговор перешел на революционную литературу. Я увидел, что мой собеседник читал не одни только ражженные брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически. Журнал и газета «Вперед!» казались ему недостаточно революционными. Он склонялся к «бунтарству» и отстаивал этот способ действия с помощью тех же самых доводов, которые приводились обыкновенно «бунтарями»-студентами. Удивлению моему не было границ. Личность Митрофанова решительно не входила в узкие рамки моего сентиментального представления о «народе». Зато тем более заинтересовала она меня. Я стал часто встречаться с Митрофановым и жадно расспрашивал его о его революционной деятельности в народной среде. Из всех слов народа ближе всего ко мне, по моему тогдашнему положению, были, конечно, петербургские рабочие, и вот я засыпал своего нового знакомого вопросами о том, что представляют они собой. Митрофанов относился к ним отрицательно. Из его слов выходило, что настоящий народ — это крестьянство, городские же рабочие в значительной степени развращены и проникнуты буржуазным духом, вследствие чего революционеры должны идти в деревню. Подобные отзывы, вполне соответствовавшие нашим собственным представлениям о народе, не могли возбудить во мне склонности к ближайшему знакомству с петербургской рабочей средой, и в течение нескольких месяцев Митрофанов оставался единственным лично известным мне рабочим»¹³.

В начале 1876 г. на квартире у Георгия Валентиновича была проведена сходка рабочих. Наблюдая за рабочими — участниками собрания, Плеханов с удивлением заметил их глубокую убежденность в необходимости революционной борьбы с царским правительством. «Впечатление, произведенное ими на меня, — писал он позднее, — было потрясающее. Я совершенно забыл мрачные отзывы Митрофанова о петербургских рабочих. Я видел и помнил только то, что все эти люди, самым несомненным образом принадлежавшие к «народу», были сравнительно очень развитыми людьми, с которыми я мог говорить так же просто и, следовательно, так же искренно, как со своими знакомыми студентами. Мало того, на тех из них, которые уже отсидели известное время в тюрьме, я смотрел снизу вверх: «Я еще ничем не доказал своей преданности делу, а они уже успели постоять за него», говорил я себе и смотрел на них почти с благоговением, как смотрит, вероятно, всякий искренний и молодой, не бывавший в переделках, революционер на опытного, *пострадавшего за дело* товарища. Такое же впечатление вынес я и из знакомства с нелегальным Митрофановым, но Митрофанова я считал исключением; теперь я узнал, что подобных ему исключений много. Дело сближения с народом, прежде пугавшее меня своими трудностями, показалось мне теперь простым и легким»¹⁴. Сходка явилась тем поворотным моментом, который изменил отношение Г. В. Плеханова к рабочему классу. Вскоре после нее он принялся за активную пропагандистскую и просветительскую работу в пролетарских кружках: читал лекции, занимался индивидуально со многими одаренными рабочими. Пропагандистская и просветительская деятельность Г. В. Плеханова способствовала формированию идейных взглядов многих революционеров, вышедших из рабочей среды. Под его непосредственным влиянием складывались и крепились передовые убеждения таких борцов за свободу трудового народа, как С. Н. Халтурин и П. А. Моисеенко. Еще в тот период своей деятельности Г. В. Плеханов отмечал революционность рабочего класса, его неукротимое стремление к знаниям, его более высокую по сравнению с крестьянством организованность, его готовность к борьбе с самодержавием. Но незабываемая уверенность в том, что именно рабочий класс есть главная движущая сила революции, приш-

¹³ Г. В. Плеханов, Соч. Т. III. Изд. 2-е, стр. 128.

¹⁴ Там же, стр. 130—131.

ла к нему значительно позднее, после глубокого изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

К концу 1876 г. число рабочих кружков в столице, в которых велась революционная пропаганда, стало довольно внушительным. Они имелись в Галерной гавани, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах, на Обводном канале, а также в пригородах столицы. Члены этих кружков и сыграли свою роль в том знаменательном событии, которое произвело громадное впечатление на всю революционную Россию. Речь идет о знаменитой демонстрации 6 декабря 1876 г. у Казанского собора. Утром в соборе собралась небольшая группа молодых рабочих и студентов. Постепенно она росла, пополняемая все новыми и новыми лицами. Встревоженный возбужденным видом необычных богомольцев, стоявших у паперти во время обедни, церковный староста обратился к ним с вопросом: «Что вам угодно, господа?» Молодежь ответила, стремясь задержаться подольше в соборе: «Заказать панихиду по погибшим революционерам». Но староста отказался выполнить эту просьбу. Он заявил, что в царский день служить панихиду нельзя. Тогда молодежь пожелала заказать молебен. Со словами: «Идите, заплатите попам за наш постой» один из молодых людей — это был Г. В. Плеханов — передал другому молодому человеку, заказывавшему молебен, Сенятину, трехрублевую бумажку. В это время по собору в растерянности метался городской. Он заподозрил неладное и пытался выбраться из здания, но не мог, так как выход был плотно закрыт собравшимися. Не дождавшись молебна, молодежь вышла из собора и устроила на площади демонстрацию. Она окружила плотным кольцом оратора, который страстно говорил о замученных царизмом борцах против тиранни и горячо призывал слушателей так же верно служить народу, как Чернышевский, Долгушин и другие революционеры. По свидетельству современников, эта взволнованная речь произвела огромное впечатление на присутствующих. Этого не могли скрыть и власть имущие. В обвинительном акте царской прокуратуры по делу об участниках демонстрации на площади у Казанского собора, представлявшем данное событие как явление «случайное», отмечалась вместе с тем большая сила воздействия речи на слушателей, которые приветствовали молодого оратора аплодисментами и возгласами: «Да здравствует социальная революция!». «Да здравствует «Земля и воля»!». Когда речь была закончена, демонстранты подняли на руки одного из своих товарищей, рабочего Якова Потапова, развернувшего высоко над собравшимися красное знамя со словами на нем: «Земля и воля». К этому времени прибыла к собору полиция. Начались аресты. Схвачен был и знаменосец. Но департамент полиции жаждал большего: он пытался арестовать прежде всего оратора. Однако все усилия полиции оказались тщетными: оратор, которым был Г. В. Плеханов, остался неопознанным. Правда, позднее полиции все же удалось узнать о роли Георгия Валентиновича в демонстрации; она даже произвела обыск в его комнате. Но арестовать его самого не удалось. В протоколе обыска отмечалось, что бывший юнкер Константиновского училища Г. В. Плеханов 6 декабря 1876 г. скрылся и что в его комнате «остатков кумача и белых шелковых тесемок [из них были нашиты на знамени слова «Земля и воля»] не найдено»¹⁵.

Теперь Г. В. Плеханов стал профессиональным революционером и перешел на нелегальное положение. Под именами «Жорж» и «Оратор» он выступал на собраниях революционной молодежи, писал статьи для прогрессивных изданий, вел активную работу в народнической организации «Земля и воля». Под этими же псевдонимами вошел он и в художественную литературу о народниках. Так, видный революционер 70-х годов С. М. Стеняк-Кравчинский в своем романе «Андрей Кожухов» наделил одного из героев книги, Жоржа, почти всеми чертами молодого Плеханова. Некоторое время Георгий Валентинович пребывал в Германии, а вернувшись в Россию, вновь приступил к подпольной деятельности. В июле 1877 г. он переехал в Саратов, где вел пропаганду среди рабочих. Однако Плеханова, в то время еще землевольца, тянуло в деревню, поближе к крестьянам. С помощью товарищей он раздобыл гимназический аттестат некоего Михайлова и обратился в училищный совет города Аткаркаса, Саратовской губернии, с просьбой назначить его учителем в сельскую школу. Но здесь с ним произошел курьезный случай. Оказалось, что один из членов совета, священник, знавал в прошлом настоящего Михайлова. Плеханову пришлось выслушать от экспансивного батюшки возгласы о том, как он вырос и возмужал за время, прошедшее со дня их последней встречи, а затем отвечать на многочисленные расспросы о самочувствии и здоровье «общих знакомых». Несмотря на то, что Плеханов не знал ни самого владельца аттестата, ни его ближних, он выдержал это непредвиденное испытание, полностью удовлетворив любопытство священника. Поп остался доволен свиданием и обещал «старому знакомому» употребить все свое влияние на училищный совет, чтобы назначить «Михайлова» учителем в деревню. Несмотря, однако, на хлопоты священника, устроиться учителем в деревне Г. В. Плеханову не удалось. Пришлось возвратиться в Саратов.

По принятому среди землевольцев обычаю, члены саратовского кружка жили «коммунной», в общей квартире. Это вызвало подозрение у полиции. В конце 1877 г. она арестовала всех, кто находился в квартире, и устроила засаду. Жертвой ее оказался и Г. В. Плеханов, который после своего приезда в город решил навестить товарищей.

¹⁵ «Демонстрация на Казанской площади». СПб. 1907, стр. 1156; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. III. М. 1952, стр. 69.

Он был отправлен в участок. Помощник пристава продержал его там весь день, а вечером отправился к нему на квартиру и, не найдя в вещах ничего подозрительного, отпустил арестанта, взяв подписку о явке в участок на следующий день. Освободившись, Плеханов предупредил друзей в Саратове и в деревне о разгроме основной квартиры, а сам выехал в Петербург. В столице он возглавил группу землевольцев, работавших среди пролетариев. В январе 1878 г. на Васильеостровском патронном заводе взрывом было убито шесть человек. Причиной несчастья явилось отсутствие на предприятии каких-либо мер технической безопасности. Пороховая пыль в течение долгого времени оседала на станках, стенах, полу и не раз являлась причиной пожаров, которые, к счастью, удавалось быстро ликвидировать. Рабочие неоднократно предупреждали дирекцию о возможности взрыва. Гибель людей оказалась расплатой за преступное отношение администрации к охране труда и вызвала справедливое негодование рабочих. Похороны погибших вылились в демонстрацию протеста против царившего на заводе произвола. В них вместе с рабочими приняли участие и землевольцы, в числе которых был Плеханов. На Смоленском кладбище один из рабочих начал речь, в которой назвал действительных виновников трагического события. Но оратора прервал присутствовавший на кладбище околоточный надзиратель. Он положил на его плечо руку и произнес: «Я вас арестую». В защиту говорившего выступил Георгий Валентинович, которого поддержали все присутствующие. Они окружили полицейских плотным кольцом, а оратора тем временем усадили в сани к одному из стоявших невдалеке извозчиков и увезли. «Дружный отпор, данный полиции рабочими патронного завода — вспоминал Плеханов, — произвел прекрасное впечатление как на рабочие кружки Петербурга, так и на «бунтарскую» интеллигенцию»¹⁶.

В марте 1878 г. на Новой бумагопрядильне произошла стачка, вызванная решением хозяев фабрики снизить расценки. Г. В. Плеханов часто бывал среди участников забастовки, давал им советы, подбадривал. В одно из посещений бастующих он был арестован. Об этом эпизоде сохранился рассказ очевидца, Н. Васильева, находившегося в том же полицейском участке, куда привели Георгий Валентиновича. «Как только какой-то городской доставил их (Плеханов был арестован вместе с землевольцем Тютчевым. — В. Ч.) в участок, они стали громко и энергично требовать, чтобы был составлен протокол об их аресте. «Это, право же, возмутительно. Идем спокойно по улице и вот, извольте посмотреть, попадаем в участок (говорил Г. В. Плеханов. — В. Ч.). Господин квартальный надзиратель, распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне дали стакан свежей воды!» Какой-то полицейский испуганно убегает и возвращается с графинем воды. Несколько стаканов проглатывается, и снова льется поток протестов и возмущения: «Я самым энергичным образом протестую против моего совершенно произвольного ареста. Я еще раз прошу составить протокол!» Это энергичное выступление, очевидно, импонирует полиции. Околоточный старается успокоить (Плеханова. — В. Ч.) и извиняется: «Ведь мне что: мне приказано! Я исполняю только то, что начальство прикажет... Дело выяснится»¹⁷. Сам Г. В. Плеханов вспоминал об аресте так: «Одним из схваченных землевольцев был лишивший эти строки. В участке, куда привели арестованных, лежала на столе пачка «новых правил», напечатанных почти совершенно на таких же листках, на каких мы печатали наши воззвания. Я обратил внимание околоточного на редакцию этих правил. «Сначала в них идет речь о двух грошевых уступках, а дальше следует ряд статей, возвещающих понижение заработной платы. Надо было сделать наоборот: сначала возвестить о понижении платы, а потом уже обрадовать рабочих уступками. Таким образом они заели бы горькое сладким». — «Что прикажете делать, — возразил околоточный с видом глубокой, но грустной покорности судьбе, — рабочему человеку всегда будет горько, этого вы не перемените»¹⁸. Среди арестованных по подобию в связи со стачкой на Новой бумагопрядильне был мещанин, который рассказал находившимся в участке, что полицейские обещали его освободить, если он подтвердит, что все другие арестованные раздавали стачечникам листовки. Когда ночью Плеханова отвели на допрос к полицеймейстеру, он попросил вызвать и мещанина, которого полиция склоняла к лжесвидетельству. Мещанин на допросе у полицеймейстера подтвердил, что полицейские уговаривали его дать ложные показания. Полицеймейстер, просмотрев паспорт Г. В. Плеханова, выписанный на имя какого-то почетного гражданина города, освободил его, обязав подпиской о невыезде. О стачке на Новой бумагопрядильне Георгий Валентинович поместил затем несколько материалов в газете «Новости», а также статью в подпольной газете «Начало».

Летом 1878 г. вспыхнули волнения казачества области Войска Донского. Они были вызваны учреждением земств, которые ограничивали старое казачье самоуправление. Георгий Валентинович незамедлительно отправился в район мятежа. Ознакомившись на месте с положением и оценив его как благоприятное для революционной агитации, он написал об этом письмо в Петербург. Из столицы к нему на помощь был командирован Александр Михайлов. Тем временем Плеханов составил «Воззвание к славному Войску Донскому», а затем выехал в Петербург, надеясь здесь отпечатать его в подпольной типографии. За несколько дней до его приезда в столице был арестован

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 159.

¹⁷ См. В. Г. Чумаченко. Г. В. Плеханов — выдающийся теоретик и пропагандист марксизма. М. 1960, стр. 18.

¹⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 166.

стован руководящий центр «Земли и воли» в составе Андриана Михайлова, Леонида Буланова, Ольги Натансон и других. Георгию Валентиновичу удалось избежать ареста благодаря случайному обстоятельству. Извозчик за провоз до квартиры Малиновской (конспиративное местонахождение руководящего центра «Земли и воли») заплатил 75 копеек. Георгий Валентинович не располагал такими деньгами и вынужден был отправиться пешком. Это позволило встретившемуся с ним товарищу предупредить его о том, что в квартире Малиновской устроена полицейская засада.

Восстановление руководящего центра землевольцев Г. В. Плеханов взял на себя. Он вызвал из Ростова Александра Михайлова, наладил нарушенные арестом связи, провел большую организационную работу. Позднее об этом времени Плеханов писал, что теория о необходимости вести террористическую борьбу с самодержавием начала приобретать тогда в среде землевольцев все больше сторонников: «...я в первый раз услышал от него (Александра Михайлова.— В. Ч.) то мнение, что нам нельзя ставить себе задачу широкой агитации в народе, так как наши силы для этого слишком малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирепые преследования; прежде он был самым убежденным сторонником «агитации на почве непосредственных народных требований» и самым решительным противником «террора», который назывался у нас «дезорганизацией правительства» и о котором начали поговаривать уже летом 1877 года. Я не согласился с Ал. Михайловым»¹⁹. Рост числа сторонников террора объяснялся тем, что работать среди крестьян было очень тяжело, а успехи оказывались малоощутимыми.

В конце 1878—начале 1879 г. Георгий Валентинович находился в Петербурге. В столице довольно часто возникали забастовки. Почти одновременно бастовали рабочие фортепианной фабрики Беккера, табачных фабрик Мирчи и Шапшала, фабрики Шау и ряда других. В связи этих событий Георгий Валентинович принимал активное участие. Значительную часть времени он отдавал журналистской работе. Он опубликовал серию статей, которая свидетельствовала об уже начавшейся эволюции его взглядов в сторону марксизма. Так, в передовой, напечатанной в №№ 3 и 4 «Земли и воли» (1879 г.), он отмечал недостатки, мешавшие успешно вести революционную пропаганду в деревне, и доказывал более быстрое усвоение городскими рабочими по сравнению с крестьянами идей социализма. Плеханов говорил также о несостоятельности методов, ставивших во главу угла пропаганду самообразования, и советовал уделять больше внимания конкретной агитации, шире участвовать в повседневной борьбе масс, направлять их недовольство в общее русло революции. Эти положения являли собой значительный шаг вперед по сравнению с землевольческой теорией и были следствием знакомства Г. В. Плеханова с жизнью и деятельностью рабочих, с их борьбой против эксплуататоров. Вскоре Георгий Валентинович вошел в состав редакции «Земли и воли». К весне 1879 г. относится его женитьба на слушательнице медицинских курсов Розалии Марковне Боград, дочери мелкого херсонского торговца.

В июне 1879 г. землевольцы созвали съезд в Воронеже, на котором поставили вопрос об усилении «дезорганизаторской деятельности», то есть террора против царского правительства. Плеханов выступил против такого метода борьбы. Он горячо доказывал на съезде, что террор дезорганизует не правительство, а самих революционеров, что даже успешное покушение на жизнь царя приведет не к ликвидации самодержавия, а к замене двух палочек после имени царя—«Алаксандр»—тремя. Большинство делегатов, однако, стояло за тактику террора, и Плеханов покинул съезд. На следующий день он направил съезду письменный протест и заявление о выходе из организации. Из Воронежа Георгий Валентинович едет к жене в Киев. Здесь он много и плодотворно работает. Позднее о своем разрыве с обществом «Земля и воля» он писал в № 54 газеты «Искра»: «Я уехал из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение, что народничество, казавшееся мне тогда единственным возможным в России видом социализма, погибает главным образом благодаря нелогичности *самых народников*; я сознавал, что один в поле не воин, и с тоской спрашивал себя: что же мне остается делать? Но в Киеве я скоро узнал, что в Петербург приехали из-за границы В. И. Засулич, Л. Дейч и Я. Степанович... и что они... отстаивают старый агитационный способ действий. Я поспешил в Петербург и здесь, к удовольствию своему, убедился, что названные товарищи согласны со мной почти во всех вопросах революционной теории и практики. С неменьшим удовольствием увидел я также, что... «землевольцы», обнаружившие такую странную непоследовательность на съезде, заметили свою ошибку и старались поправить ее, насколько это было в их силах».

После воронежского съезда «Земля и воля» раскололась. Народники, призывавшие к террору и политической борьбе с царизмом, объединились в организацию «Народная воля». Создание общества с обновленной идейной платформой, несомненно, было шагом вперед. Но политическая борьба в представлении народвольцев выглядела лишь как деятельность небольшой заговорщической группы, причем главным средством достижения целей народвольцы считали индивидуальный террор, убийство отдельных представителей власти или даже царя. Следовательно, в вопросах тактики борьбы они придерживались взглядов своих предшественников. Еще на съезде, а также после него Г. В. Плеханов настойчиво говорил, что при такой постановке вопроса исчезает народ, пропадает массовый характер революционного движения. И вот осенью

¹⁹ Г. В. Плеханов. Предисловие к книге А. Туна «История революционного движения в России». Женева. 1903, стр. XXX—XXXI.

1879 г. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и другие создают революционную организацию «Черный передел». Члены этого общества совершали ошибку, отрицая необходимость завоевания политической свободы на том только основании, что она «выгодна буржуазии»; но вместе с тем они выдвигали требование передела всей земли (в том числе и помещичьей) между крестьянами, обращая, таким образом, главное внимание на экономику. Они создали свой печатный орган, также называвшийся «Черный передел». Его главным редактором избрали Г. В. Плеханова. Несмотря на то, что эта организация придерживалась народнической программы, ее практическая деятельность проходила в основном среди рабочих. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в постепенной эволюции взглядов чернопеределовцев, нашедшей свое выражение, в частности, в содержании материалов, публиковавшихся «Черным переделом». Так, в статье Г. В. Плеханова уже наличествовали мысли о развивавшемся в России капитализме. А постепенное сближение с пролетариями заставило его заговорить и о необходимости политической борьбы для освобождения рабочего класса.

В те годы Георгий Валентинович вместе с женой жил в Петербурге под именем дворянина Семашко. Между тем полиция и жандармерия усиленно разыскивали именно Плеханова. В марте 1879 г. III отделение отмечало: «Получено сведение, что известный Георг Плеханов, остающийся по сие время неразысканным и подлежащий задержанию, имеет будто бы постоянное пребывание в двух местностях: за Нарвской и Московской заставами, попеременно. Его знают будто бы многие рабочие, как руководителя движений этой среды. Со многими из рабочих, имеющих некоторое главенство над остальными, Георг Плеханов, от времени до времени, входит в непосредственные сношения. В средствах он не только не нуждается, но, напротив, снабжает ими других пропагандистов. Это последнее сведение подтверждается тем, что несколько дней назад его заметили проехавшим по Невскому под венер да рысистой лошади, с дамой в собольей ротонде. Основываясь на этих данных, можно предположить, что Плеханов находится в близких сношениях с кем-либо из лиц состоятельных, а, может быть, даже с какой-либо женщиной, обладающей средствами и сочувствующей делу пропаганды, почему было бы полезно обратить внимание пригородной полиции на изложенные здесь обстоятельства к разысканию Плеханова»²⁰. Далее сообщались приметы Плеханова. Целую неделю после этого пригородная полиция Петербурга разыскивала личность, приметы которой совпадали бы с описанными. Наконец, на Московском шоссе внимание полиции обратил на себя мужчина, который с какой-то дамой, в экипаже с парюю прекрасных коней, не раз подъезжал к Чесменской богадельне. Здесь мужчина и женщина покидали экипаж и пересаживались в сани, запряженные тройкой серых лошадей. Мужчину и его спутницу арестовали, но тут же вынуждены были отпустить: «По произведенному дознанию положительно оказалось, что это ездил действительный статский советник Владимир Александрович Ратько-Рожнов, проживающий в Царском Селе на собственной даче по Средней улице № 9, а в Петербурге квартира его и лошади стоят в Миллионной в собственном доме, и разумеется нет никакой связи с разыскиваемым лицом»²¹.

В январе 1880 г., после того как полиция обнаружила нелегальную типографию «Черного передела» и арестовала некоторых членов организации, Г. В. Плеханов эмигрировал. Комичный эпизод произошел с ним в день его отъезда. На вокзале Георгий Валентинович заметил, что за ним пристально наблюдает жандарм. Он направился к жандарму и повелительным тоном приказал, чтобы тот отнес его чемодан. Военная выправка, внушительный тон произвели неотразимое впечатление на блюстителя порядка, и тот, именуя Плеханова «сиятельством», безропотно выполнил приказание. Но и после отъезда Плеханова за границу жандармерия, не ведая о том, все еще продолжала охотиться за ним в России. В мае 1880 г. она сообщила управляющему III отделением о результате слежки за его женой, вынужденной остаться в России из-за новорожденного ребенка (у них родилась дочь Вера, вскоре, однако, умершая). В донесении указывалось, что за Р. М. Плехановой и за ее подругой Теофилией Поляк организовано «наблюдение и прослеживание» с целью поимки самого Плеханова²². 15 марта 1881 г. в шифрованной телеграмме на имя министра внутренних дел графа Лорис-Меликова тамбовский губернатор барон Фредерикс писал: «По сведениям, почти достоверным, государственный преступник Георг Плеханов уже два месяца в России (Плеханов в это время находился в Париже.— В. Ч.), но где — неизвестно; ведет переписку со своей матерью, проживающей в Липецке. Прошу разрешения на просмотр писем, получаемых в Липецке на имя Марии Федоровой Плехановой и дочери ее, живущей с нею. Поручение может быть возложено на исправника или капитана Куртьянова, помощника начальника губернского жандармского управления»²³. Насколько важной была эта депеша для министра, можно судить по тому, что уже 16 марта он написал о ней доклад царю, в котором сообщал о выданном им разрешении вскрывать корреспонденцию Плехановых²⁴.

²⁰ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 5, стр. 309—310.

²¹ Там же, стр. 310.

²² «Группа «Освобождение труда». Сборник № 3. М. 1925, стр. 308.

²³ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 5, стр. 311.

²⁴ Там же.

Первое время, находясь в эмиграции, Г. В. Плеханов жил в Париже. Он много работал, участвовал в деятельности революционных организаций. На одном из собраний русской революционной колонии Плеханов говорил, что террор нельзя считать действенным средством борьбы с самодержавием. Присутствовавшие там народолюбцы пытались доказать, что он ошибается, а после собрания к нему обратился либерально настроенный поэт Н. Минский, подражавший в то время Некрасову, позднее символст: «Что вы, Георгий Валентинович, так горячо спорите против террора, ведь недавно началась террористическая борьба с самодержавием, а нам уже дышать легче». В ответ на это Плеханов сказал: «Видите, господин Минский, я ничего не имел бы против террора, если бы вы и ваши единомышленники им занимались, а нам, социалистам, сделалось от вашей деятельности легче дышать»²⁵.

Группа «Освобождение труда»

За границей Плеханов воочию знакомится с рабочим движением в европейских странах и с великим учением К. Маркса и Ф. Энгельса, произведения которых он стал пристально изучать. Особенно сильное влияние на него оказал «Манифест Коммунистической партии». Об этом периоде своей жизни и о том увлечении, с каким он читал марксистскую литературу, Георгий Валентинович впоследствии писал: «Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преобразовалась в наших глазах наш-собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык»²⁶. Плеханов осуществил свое намерение, и в 1882 г. в Женеве великое творение К. Маркса и Ф. Энгельса впервые вышло в свет на русском языке. Этот перевод долгое время считался одним из самых точных и неоднократно переиздавался (второе издание — в 90-е годы, третье — в 1900 г., четвертое — в 1904 г.). Затем последовали переводы работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (русский текст издан в 1882 г.) и выступления К. Маркса «Речь о свободе торговли» (1885 г.). Г. В. Плеханов изучал по первоисточникам все, что относилось к деятельности I Интернационала. В результате история этой организации настолько запечатлелась в его памяти, что он, по свидетельству Л. Г. Дейча, наизусть цитировал его документы, чем «вызывал большое изумление у старых, осведомленных членов международного общества»²⁷.

Плеханов трудился не покладая рук. Наряду с усиленным изучением марксизма он занимался литературной деятельностью: написал статьи «Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория Карла Родбертуса — Ягцова» для журнала «Отечественные записки», подготовил рецензию на брошюру мелкобуржуазного революционного публициста М. П. Драгоманова. О судьбе этой рецензии имеется его собственное свидетельство: «Еще в 1881 г. я послал в редакцию «Народной воли» рецензию на брошюру Драгоманова «Le tyranicide en Russie», вышедшую скоро после смерти Александра II. Редакция не напечатала этой рецензии, не желая, — как писала она мне — «поднимать полемику», но благодарил за сочувственное отношение к памяти деятелей I марта и приглашала к дальнейшему сотрудничеству»²⁸. Это не было только «вежливой фразой». Ценил Г. В. Плеханов как теоретика и литератора, исполнительный комитет «Народной воли» решил пригласить его в качестве третьего редактора (первыми двумя были П. Л. Лавров и С. М. Степняк-Кравчинский) в организовывавшийся тогда журнал «Вестник «Народной воли». Плеханов принял приглашение и написал для первого номера журнала заметку о книге близкого к народникам историка Н. Я. Аристова «А. П. Шапов», а также большую статью «Социализм и политическая борьба». Сменивший С. М. Кравчинского на посту редактора Л. Тихомиров первоначально был согласен с публикацией этих работ, но затем изменил свою позицию и счел печатание их нецелесообразным. Идеиные расхождения внутри редакции явились причиной того, что Георгий Валентинович порвал с журналом.

Осенью 1883 г. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и В. Н. Игнатов создали в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Русские эмигранты в Женеве в подавляющем большинстве являлись в то время сторонниками «Народной воли» и к социал-демократам относились враждебно. Известие о создании марксистской группы они встретили с неприязнью. По свидетельству современников, один из эмигрантов, Н. И. Жуковский, по этому поводу ехидно кричал где только мог: «Самим есть нечего, а создают группы!»²⁹. Жизнь членов первой марксистской группы в то время действительно была очень тяжелой. Часто случались дни, когда Г. В. Плеханов и вся его семья голодали. Н. Кулябко-Ко-

²⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII. М. 1940, стр. 8.

²⁶ Там же, стр. 17.

²⁷ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, стр. 55.

²⁸ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XIII. Изд. 2-е, стр. 28.

²⁹ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 3, стр. 89.

рецкий, близко наблюдавший жизнь Плеханова в те дни, писал: «Позже, когда я близко узнал Плеханова, меня стала преследовать неотвязная мысль: этот человек, этот мыслитель, этот ученый, блестящий, талантливый, вернее — гениальный, живет в нищенской обстановке, по временам буквально не имея возможности утолить голод... Люди, в десять раз менее талантливые, устраивались комфортабельно и сытно, а он случайно заблудившись к нему горсть франков тратил на печатание новых и новых сочинений, игнорируя порой самые насущные требования повседневной жизни»³⁰. Характеризуя настроения, господствовавшие в период появления группы «Освобождение труда», Р. М. Плеханова в одном из своих писем, отправленном Л. Г. Дейчу в 1923 г., указывала, что слово «марксист» в то время было ругательным. Вспоминая впоследствии об этой атмосфере, Г. В. Плеханов отмечал: «...главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть... заключалось в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии»³¹.

Что же обусловило переход Г. В. Плеханова на позиции марксизма? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Здесь следует учитывать ряд факторов. Прежде всего на эволюции его взглядов сказалось то обстоятельство, что он неотомимо искал правильные пути революционного движения в России. Этому способствовали знакомство с петербургскими пролетариями и работа среди них. Большое влияние оказала также победа марксистской теории в рабочем движении европейских стран. Все это, вместе взятое, и явилось причиной того, что Г. В. Плеханов порвал с народничеством и стал на позиции научного социализма. «Я уже тогда,— отмечал Г. В. Плеханов,— был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности»³². В письме к Н. Рубакину Плеханов сообщал: «...я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.»³³. В те дни Георгий Валентинович наряду с распространением и защитой марксистской теории оттаивал много времени дальнейшему самообразованию. «Однажды,— писала М. Висконти,— кто-то из товарищей застал его за учебником латинского языка. На выраженное удивление Плеханов ответил, что, получив среднее образование в военной школе, он не знаком с классицизмом, между тем часто замечает необходимость прибегать к первоисточникам, чтобы понять некоторые ссылки и цитаты из древних сочинений. Одно время он также посещал некоторые курсы в Женевском университете»³⁴. Такая огромная нагрузка была под силу только человеку с чрезвычайно развитой самодисциплиной, умеющему мастерски планировать свое время. Л. С. Федорченко, близко знавший Георгия Валентиновича, отмечал: «...у Плеханова, несмотря на то, что его постоянно влекло к людям, дисциплина сквозила во всем строе и складе его жизни. У него ни одной минуты в дне не проходило даром. День был у него распланирован, и каждый час был непременно наполнен определенным содержанием. Даже отдых после обеда у него никогда, если он был здоров, не был посвящен лежанию на кровати. В послеобеденное время Г. В. Плеханова можно было видеть шагающим по аллеям университетского скверика, находившегося против его квартиры, и читающим на ходу какую-нибудь беллетристику, преимущественно на французском языке. Любимым чтением Г. В. был в эти часы Мопассан либо Э. Золя... Во всем он любил краткость, ясность и определенность. Расхлябанность российского интеллигента и его «исповеди» тет-а-тет всегда выводили его из себя, а многих эта черта характера Г. В. отшарывала от него, чему, впрочем, он был всегда несказанно рад. Всякие витиеватые речи своих собеседников Г. В. Плеханов часто превращал в шутку. «Заумные» разговоры, которые с ним любили вести его собеседники, во что бы то ни стало памятуя, что они говорят с Плехановым, его настраивали всегда на иронический лад, ибо Плеханов обладал завидной чертой с двух-трех слов угадывать психическую консистенцию своего собеседника»³⁵.

Первым произведением Плеханова, в котором были подвергнуты острой критике народнические теории, явилась работа «Социализм и политическая борьба», напечатанная группой «Освобождение труда» в 1883 году. В ней Георгий Валентинович отмечал, что единственно научный социализм — это учение К. Маркса. Плеханов показал беспочвенность и нелепость рассуждений анархистов и народников, утверждающих, что политическая борьба не может оказать существенного влияния на развитие революционного движения. Именно отрицание значения политической борьбы, подчеркивал он, нанесло огромный ущерб революционному движению и делу создания сильной рабочей партии. «Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию,— подчеркивал Плеханов в этой работе,— русские анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху-историю топтаться на одном месте, пока они проло-

³⁰ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 2. М. 1924, стр. 175.

³¹ Г. В. Плеханов. Соч. Т. XXIV. Изд. 2-е, стр. 174.

³² Г. В. Плеханов. Соч. Т. I. Изд. 2-е, стр. 19.

³³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», стр. VII.

³⁴ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 2, стр. 156.

³⁵ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 1, стр. 288.

жат для нее новые, более прямые и торные пути»³⁶. Г. В. Плеханов высоко чтит К. Маркса и Ф. Энгельса как создателей научного социализма. «Как Дарвин обогатил биологию поразительно простой и вместе с тем строго-научной теорией происхождения видов,— отмечал он,— так и основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых «общественных условий производства» великий принцип изменения видов общественной организации. Едва ли нужно говорить, кого считаем мы основателями этого социализма. *Заслуги эта бесспорно принадлежит Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу*, учение которых именно так относится к современному революционному движению в цивилизованном человечестве, как относилась когда-то, по словам одного из них, передовая немецкая философия к освободительному движению в Германии: оно составляет его *голову*, между тем как пролетариат составляет его *сердце*»³⁷. Научный социализм неотделим от «материалистического понимания истории», а это, объяснял Плеханов, означает, что историю человечества следует рассматривать прежде всего как развитие общественных отношений. Причем главным фактором, определяющим это развитие, являются производительные силы и соответствующая им экономическая структура общества. Плеханов раскрыл несостоятельность идей народников, утверждавших, что научный социализм К. Маркса «не может быть применен» в России, потому что он основывается на истории западноевропейского общества; Плеханов показал, что «история западноевропейских отношений положена Марксом лишь в основу истории капиталистического производства», а «общие философско-исторические взгляды Маркса» имеют одинаковую силу для всех стран земного шара. Таким образом, отмечал Плеханов, теория К. Маркса может быть применена в России с таким же успехом, как и в любой другой стране. «Ближайшее знакомство с литературой «марксизма»,— писал он,— покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишили они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убеждают тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые, правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни»³⁸.

Г. В. Плеханов считал, что программа «Народной воли» во многих отношениях явилась шагом вперед по сравнению с аналогичными документами предшествовавших ей революционных организаций. Но наряду с этим, отмечал он, программа «Народной воли» содержала ряд ошибочных положений. Крупным ее недостатком было требование свободы сходок, слова, собраний и избирательных программ только «в виде временной меры»; другой ее серьезной ошибкой являлось утверждение, что большинство депутатов Учредительного собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Г. В. Плеханов пришел к выводу о несбыточности надежд народовольцев совершить революцию силами небольшой группы заговорщиков; он подчеркивал, что только пролетариат в состоянии победить эксплуататоров и построить новое общество. «Но диктатура класса,— писал Г. В. Плеханов,— как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцибельных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни»³⁹. Поэтому, отмечал Плеханов, единственно правильным решением, содействующим успешному развитию революционного движения в стране, является выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России, которая возглавит пролетариат. Г. В. Плеханов считал, что революционеры не должны пренебрегать и деятельностью среди русского крестьянства, которое отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли», хотя роль крестьянства, как союзника рабочего класса, он недооценил. В заключение автор прозорливо предсказывал: «Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «*пришла слишком поздно*», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным»⁴⁰.

Книга «Социализм и политическая борьба» была встречена народниками враждебно. И в печати и устно на ее автора как из рога изобилия посыпались обвинения в том, что он своей критикой подрывает авторитет «Народной воли» и даже «играет

³⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III. Изд 2-е, стр. 37—38.

³⁷ Там же, стр. 44.

³⁸ Там же, стр. 71.

³⁹ Там же, стр. 77.

⁴⁰ Там же, стр. 86.

на руку царизму». «Это казалось такой утопией многим русским людям, истинным сторонникам прогресса и революции,— писал позднее Плеханов,— что люди, искренне расположенные ко мне, говорили: «Георгий Валентинович, что вы такое говорите? Неужели в самом деле можно верить в русский рабочий класс? Можно верить в русскую интеллигенцию — это понятно: русская интеллигенция имеет знания, имеет преданность к делу; но верить в русский рабочий класс можно разве только назло кому-нибудь». И не раз говорили мне: «Вы, человек, не лишенный некоторого литературного таланта, обладаете таким несчастным характером, что как будто назло неустанно твердите о русском рабочем классе, неустанно доказываете, что только русский рабочий класс есть истинный носитель прогресса в России»⁴¹. Но лучшим судьей этой работы Г. В. Плеханова было время. А оно свидетельствует, что число его адептов постоянно росло, а сама книга получила право называться первым крупным произведением русских марксистов. Роль «Социализма и политической борьбы» в развитии революционного движения в России нелегко переоценить. Этот труд ярко и убедительно показал вздорность рассуждений народников, которые пытались добиться победы социализма в России с помощью крестьянской общины, и указывал на полные, действенные и могучие средства борьбы с эксплуататорами. Высоко оценивая значение этой работы, В. И. Ленин писал: «Первое profession de foi всемирного социализма, «Коммунистический манифест» установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социал-демократизма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию *классовой* борьбы и политической борьбы»⁴².

В целях усиления борьбы против ошибочных взглядов народников группа «Освобождение труда» начиная с сентября 1883 г. стала издавать «Библиотеку современного социализма». Произведения, входившие в эту библиотеку, знакомили русских революционеров и рабочих с марксизмом, показывали, какие социально-политические задачи на современном этапе являются наиболее важными. Кроме того, группа издавала сборник «Социал-демократ», перевела на русский язык, напечатала и тайно распространила в России «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке», «Речь о свободе торговли», «Нищету философии» и другие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Всю эту работу возглавлял и активно участвовал в ней Г. В. Плеханов. Большое влияние своими советами и трудами он оказал на создание и деятельность марксистской группы во главе с Д. Н. Благоевым (впоследствии один из основателей Коммунистической партии Болгарии) и других русских революционных организаций и кружков. «Да, товарищи,— говорил на IV (Объединительном) съезде РСДРП член блagueвской группы Бар (Симидов),— мы воспитывались на вашей нелегальной литературе. Если только теперь широкие русские социал-демократические круги имеют возможность познакомиться с произведениями Плеханова, то мы перевели и изучали свободно все произведения Плеханова, начиная с «Социализма и политической борьбы», «Монастического взгляда на историю» и кончая статьями «Искры» и «Зари», еще в момент их появления. Ваш теоретик был и нашим теоретиком и учителем, и я не могу не приветствовать перед вами Георгия Валентиновича от имени его болгарских учеников»⁴³. Немаловажное значение для развития революционного движения в России имела программа, составленная группой «Освобождение труда». В ней ставился вопрос о необходимости создания в России рабочей партии; подчеркивалось, что конечной целью пролетариата является замена капитализма коммунизмом, а условием достижения этой цели — завоевание политической власти. Значительную роль сыграла группа и в сближении западноевропейского и русского революционного движения. Она постоянно информировала социалистические партии мира о развитии русского революционного движения.

Признанным руководителем группы «Освобождение труда» во все годы являлся Г. В. Плеханов. Он проводил основную работу, связанную с пропагандой трудов основоположников научного социализма, писал оригинальные произведения в защиту марксистской теории, отстаивал ее неизбежность в условиях русской действительности. Из остальных членов группы в печати чаще других выступали П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. В. Н. Игнатов главным образом изыскивал средства для деятельности типографии. Связь с революционными организациями в России осуществлял Л. Г. Дейч, а после его ареста — П. Б. Аксельрод. Этот участок был ахиллесовой пятой в деятельности группы. Связь с русскими революционными организациями была непременной, о чем дает представление следующее свидетельство: «В Женеве работала под руководством тов. Блюменфельда типография группы «Освобождение труда». Типография эта — собственно, одна наборная, была недурно оборудована, но

⁴¹ «Единство», № 5, 5.IV.1917.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 311—312.

⁴³ «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. М. 1959, стр. 52.

продукция ее была мала за неимением средств; транспортное же дело почти отсутствовало. Изредка выходившие брошюры и книжечки распространялись по заграничным книжным магазинам, продавались на русских собраниях и во время рефератов, но в Россию книги отправлялись лишь от случая к случаю»⁴⁴. Недостатки подобного рода создавали условия для преобладания деятельности литературно-пропагандистского характера. Тем не менее роль этой организации в развитии революционного движения в России была велика. По словам В. И. Ленина, она теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению⁴⁵.

Отмечая выдающиеся заслуги Г. В. Плеханова в распространении марксизма в России, нельзя, однако, умолчать об ошибках, которые он тогда допускал. Г. В. Плеханов, например, утверждал, что пролетариату в политике следует ориентироваться на буржуазию, а рабочей партии — учитывать интересы либералов. В статье «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов» он писал: «Кроме буржуазии и пролетариата, мы не видим других общественных сил, на которые могли бы и нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Таким образом, Плеханов, переоценивая роль буржуазии, недооценивал революционные возможности крестьянства. И эта идея отчетливо проходит в его произведениях. «Пролетарий и «мужичок», — отмечал он в работе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»⁴⁶.

В то время, когда российская социал-демократия еще переживала процесс «утробного развития», когда рабочее движение, еще не соединившись с марксизмом, развивалось стихийно, эти ошибки Плеханова не имели сколько-нибудь заметных отрицательных последствий. Наоборот, авторитет Г. В. Плеханова как выдающегося пропагандиста марксизма рос и укреплялся. В значительной степени этому способствовала и его лекционная работа среди русских эмигрантов, проживавших в Женеве. Георгий Валентинович был лектором замечательным. Он всегда стремился дать своим слушателям четкое и ясное представление о предмете. Сохранилось свидетельство М. Висконти о том, как внимательно следил оратор за настроением аудитории: «В числе слушателей был кавказец, по фамилии, кажется, Азис-Хан: «если этот юноша смотрит упорно, не реагируя на сказанное, — это плохой признак, — говорил Г. В., — если же он улыбается и кивает головой, — значит вопрос ему ясен»⁴⁷.

Характерной чертой Г. В. Плеханова было то, что он никогда не отделял личные симпатии от политических взглядов. Н. А. Семашко, говоря о данной его особенности, отмечал: «Это не был человек, у которого убеждения — в одном кармане, а личная симпатия — в другом. Это был цельный человек и политический деятель»⁴⁸. Особенно высоко ценила в Плеханове эту черту революционная молодежь. Чувствуя искренность и беззаветную преданность Георгия Валентиновича идеям марксизма, она почитала его, по свидетельству П. И. Делешинского, как «властителя дум». И если случалось, что в те годы на вечере или собрании, на котором присутствовал Г. В. Плеханов, кто-либо начинал нападать на марксизм, то непременно слышались призывы: «Георгий Валентинович! Идите скорей сюда, нападают на Маркса». И Плеханов в таких случаях сразу приходил на помощь своим единомышленникам. Говорил он страстно и вместе с тем убедительно. Вот что рассказывал об одном из очередных «сражений» Георгия Валентиновича О. В. Аптекман: «Вошел Плеханов. Окунул всех острым взглядом и вмешался в спор. Склонившееся было в мою сторону весы спора быстро опустились. Плеханов заговорил горячо, не полемизируя, разбивал он безжалостно одно за другим мои положения... Тут было все: глубина мысли, критика, стройная логическая последовательность и обширный фактический материал из истории мысли и истории революционных движений. Он и меня победил, хотя я и не поддавался. Какими жалкими казались сторонники народнической идеологии! Плеханов — не только трибун, но мыслитель, философ, не только партийный человек, но и ученый в европейском смысле слова. Меня держали тогда еще крепко обломки утопического социализма — народничества, Плеханов же выступил как воин, бронированный марксизмом, хотя заимствованным им у великих своих учителей Маркса и Энгельса, но переработанным им собственным его творчеством и усвоенным собственной критической мыслью, как нечто совершенно самостоятельное, цельное и гармоническое»⁴⁹. В пылу полемики, во время выступлений и бесед Георгий Валентинович умело пользовался сравнениями и шутками. Сохранилось множество свидетельств того, как пущенная им шутка или острота удачно разряжала накалившуюся обстановку или вообще заставляла противников отступать. Однажды в споре с ним народник В. К. Деборский-Мокренич запальчиво воскликнул: «Я был революционером, когда Вы,

⁴⁴ Влад. Бонч-Бруевич. На заре революционной пролетарской борьбы. М. 1932, стр. 56—57.

⁴⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 25, стр. 132.

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 119, 382—383.

⁴⁷ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 2, стр. 157.

⁴⁸ Н. Семашко. Клочки воспоминаний (от зари революции до ее расцвета). М. 1936, стр. 64.

⁴⁹ О. В. Аптекман. Георгий Валентинович Плеханов. Из личных воспоминаний. Л. 1924, стр. 51—52.

Жорж, штанов еще не носили!». На это Плеханов спокойно ответил: «Но теперь, когда мы оба в панталонах, надеюсь, Вы можете разговаривать со мной, как равный с равным»⁵⁰. Вот еще один эпизод: «На возвышенную эстраду восходит Плеханов. В обширной кирхе воцаряется гробовое молчание. «При всем уважении, которое я питаю к предыдущему оратору, тов. Либеру,— начал он,— я, к сожалению, никак не могу согласиться с его характеристикой Розы Люксембург. Он сказал, что она сидит между двух стульев. Это совершенно неверно: она вовсе не занимает этой неудобной позиции (Роза Люксембург занимала промежуточную позицию.— В. Ч.), а, подобно Сикстинской Мадонне, витает в облаках и оттуда снисходительно глядит на наш бранный мир». Общий раскатистый смех покрыл слова Плеханова. Это сравнение его было до того удачно, метко и тонко, что при всей досаде на него»,— рассказывал далее Л. Г. Дейч, Роза Люксембург «не могла удержаться от улыбки»⁵¹.

Несмотря на большие заботы о революционном движении, напряженную литературную и организационную деятельность, диспуты о путях развития революции в России, Георгий Валентинович не забывал помогать жене в домашних делах. Он носил воду, гулял с маленькой дочерью Лидой, родившейся в эмиграции. Нужно было думать и о зароботке, так как материальное положение семьи в ту пору было отнюдь не из легких. Весной 1885 г. Плеханов писал П. Б. Аксельроду: «Дорогой Павел.. Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат. Каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть,— не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно»⁵². В начале 1885 г. из печати вышла книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия». В ней с марксистских позиций он критиковал антинаучные утверждения народников, будто капитализм в России не будет развиваться, будто он лишь искусственно «насаждается» царизмом. «За капитализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения,— отвечал своим оппонентам Георгий Валентинович.— Против капитализма лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая, по временам, так больно дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны»⁵³. Приводя убедительные примеры, Плеханов показывал, что народники преуменьшают значение развития российского капитализма, что наличие и эволюция капиталистического способа производства в России являются фактами, не подлежащими сомнению. «Главный поток русского капитализма,— отмечал он,— пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанятого к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и рек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению»⁵⁴. Помимо освещения вопросов, касающихся путей развития России, и выявления революционных сил, способных одержать победу над эксплуататорами, в книге содержалась острая критика тактики борьбы с царским правительством при помощи террора. В этой работе выдвигалась задача создания российской пролетарской партии. «Способствуя образованию рабочей партии,— писал Г. В. Плеханов,— наши революционеры будут делать самое плодотворное, самое важное дело, какое только можно указать «передовому человеку» современной России. Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия, которые осуждают теперь нашу интеллигенцию на теоретическое и практическое бессилие»⁵⁵.

Небезынтересен эпизод, связанный с первым изданием этого произведения. Над его выпуском трудился народоволец Иван Бохановский. «Принявшись за набор,— вспоминал он,— я хотел бросить работу, но чтение брошюры меня захватило, и я довел работу до конца, она поколебала меня во многом»⁵⁶. Вместе с тем встречались люди, на которых этот труд, не соответствовавший их точке зрения, производил противоположное впечатление. «Один из народовольцев,— писал впоследствии Плеханов,— признавался мне, года три спустя после выхода моей книги, что, прочитав ее, он принял меня за человека, продавшегося царскому правительству. Ему надо было лично познакомиться со мной, чтобы убедиться в неосновательности своего предположения»⁵⁷. Книга «Наши разногласия» стала действенным оружием в борьбе за торжество идей марксизма в рабочем движении России. Высоко оценил ее Ф. Энгельс. В письме к В. И. Засулич он указывал: «Но и того немногого, что я прочел из этой

⁵⁰ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 2, стр. 176.

⁵¹ Л. Г. Дейч. Г. В. Плеханов. Материалы для биографии, стр. 26.

⁵² «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII, стр. 235—236.

⁵³ Г. В. Плеханов. Соч. Т. II, стр. 270—271.

⁵⁴ Там же, стр. 271.

⁵⁵ Там же, стр. 347.

⁵⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник VIII, стр. XIV—XV.

⁵⁷ Там же.

книги (перед этим Энгельс говорит о том, что недостаточное знание русского языка лишило его возможности ознакомиться с ней до конца.— В. Ч.), достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь. Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славнофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»⁵⁸. Однако доставка отпечатанной работы в Россию представляла большую трудность. «Книга «Наши разногласия»,— сообщил С. И. Мацкевич,— вышла в Женеве в 1885 г., а в 1890 году она была еще самой свежей новинкой для Нижнего. В Москве я тоже не видел и не читал этой книги, хотя по жандармскому «Обзору важнейших дознаний», с которым я познакомился, конечно, уже после Октябрьской революции, теперь знаю, что она попала в руки жандармов при обыске у студента Московского университета Аркадия Ивановича Рязанова в 1889 году. В Казани ее читали как новинку на собрании, описанном Горьким в его книге «Мои университеты», в 1887 г. или в начале 1888 г.»⁵⁹. Но так или иначе эта работа попадала в руки российского революционера-рабочего или интеллигента и оказывала свое благотворное воздействие.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ С. И. Мацкевич. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. М. 1937, стр. 71.

Продолжение следует.)